

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

© 2014 г. Николай Михайлович Добрынин¹

Краткая аннотация: статья содержит аргументы в пользу развития юриспруденции в направлении государственоведения. Соразмерность взаимоотношений всех нас и каждого из нас, пребывающих в юридическом пространстве государства, значима как гарантирование не только нашей ответственности (область правоведения), но и наших взаимосвязанных притязаний (область государственоведения). Эту новую область юридической теории и практики необходимо осознать – осмысливать и осваивать.

Annotation: the article contains the arguments in favour of the development of jurisprudence in the direction of the political science. The proportionality of the relationship between all of us and each of us staying in the legal space of the state is significant as a guaranteeing not only of our responsibility (jurisprudence sphere), but and of our interconnected claims (the political science sphere). This new area of legal theory and practice has to be understood – comprehended and mastered.

Ключевые слова: благо, благополучие, интерес, право, гарантирование, государственоведение, государственная воля, ожидания, ответственность, юриспруденция.

Key words: good, welfare, interest, law, guaranteeing, political science, political will, expectations, responsibility, jurisprudence.

В подходе к научному определению содержания юриспруденции проявляются две убедительно выраженные тенденции. Согласно одной из них юриспруденция определяется как соответствующая теоретико-прикладная наука и совокупность отраслевых юридических наук, а также практическая деятельность юристов, юридическая практика².

Развитие этой трактовки выливается в представления о юридической науке как о системе получения и накопления знаний о праве, как особой системе социальных норм, охватывающей не только право, правовую систему, но и государство³. Действительно, нормы, не подкрепленные принудительной и гарантирующей силой, вряд ли окажутся способными оправдать возлагаемую на них нашим обществом роль.

Другая трактовка юриспруденции вписывается в буквальное толкование смысла понятия «юрист» – специалист в определенной отрасли юридической науки или юридической практики, правовец; практический деятель в области права, имеющий юридическое образование⁴. Сторон-

ники этого подхода строги в соблюдении установленных рамок, предлагая соответствующее их представлениям понятие «юриспруденция». Изложенный подход оправдан для сохранения познаваемого предмета в чистоте. В существующей ныне в юридической науке обстановке это более чем актуально. Но такая позиция значима все же лишь при проведении специальных теоретических исследований. На прикладном уровне в чистом виде она не существует. Не случайно адекватное название базовой учебной дисциплины юридических вузов – *теория государства и права*. В качестве аргумента в поддержку указанной позиции следует, на наш взгляд, привести *определение юстиции*, обусловленное фактическим содержанием юриспруденции, толкуемое как *справедливость, законность, а также обозначение всей совокупности органов, составляющих всю судебную систему, их деятельность по осуществлению правосудия, само судебное ведомство*⁵. Здесь важно обратить внимание на то, что *справедливость* в данном определении названа наряду с *законностью*; как стоит упомянуть и о том, что чаще всего *юристами справедливость толкуется как соразмерность*.

Указание о деятельности по осуществлению правосудия как об атрибуте юстиции, содержащееся в этом определении, отражает объектив-

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук.

² См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2006. С. 952.

³ См.: там же. С. 948.

⁴ См.: там же. С. 952.

⁵ См.: там же.

ную необходимость взаимодействия государства и права для обеспечения соответствия реального, значимого для всех граждан поведения, официальным нормативным правовым предписаниям; и не только, но еще и то, что правосудие есть не что иное, как сосуществование в одной юридической плоскости норм права и органов правосудия, являющихся равноценными атрибутами государства.

В подтверждение тому считаем важным изложить практически дословно авторитетное мнение Ю.А. Тихомирова и И.В. Котелевской, содержащее развернутую характеристику права: *“Право в объективном смысле – система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и обеспечиваемых силой государства и направленных на регулирование поведения людей и их коллективов в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни. Основное отличие права от других правил поведения и нормативных систем заключается в его тесной связи с государством. С помощью права субъекты государственной власти закрепляют в качестве обязательных определенных круг общественных отношений”*⁶.

Вместе с тем популярная трактовка понятия “закон”, тесно связанного с понятиями “право” и “юриспруденция”, содержит основу для ответственных рассуждений. *Во-первых*, закон, вне всякого сомнения, принятый в любом порядке, – первичный правовой акт по основным вопросам жизни государства; *во-вторых*, вне сомнения и то, что такой закон обладает высшей юридической силой⁷.

Однако о смысле непосредственности выражения общегосударственной воли предлагаем поразмышлять.

Дело в том, что закон выражает все же волю избирателей, которую политики в лице (законодательных) представительных органов превращают в общеобязательный закон. Таким образом, *воля, воплощенная в закон, может рассматриваться скорее не как государственная, а как гарантированная государством воля избирателей*. И это – существенное уточнение, прежде всего потому, что такая воля не может быть чуждой обществу по определению, а также потому, что профессионально, юридически полноценно реализуемое гарантирование такой воли является важным для всего нашего общества.

⁶ Там же. С. 669, 670.

⁷ См.: Юридический энциклопедический словарь / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2006. С. 218.

Задаемся вопросом: следует ли в таком случае ограничиваться отождествлением правосудия и собственно государственной гарантией воли?

Безусловно, правосудие – часть юридической по своей природе материи; потому вряд ли у какого-то специалиста-юриста возникнут на сей счет сомнения.

Гаранты правопорядка, призванные обеспечивать таковой посредством правосудия, правоохраны, надзора за законностью, также являются по своей специальности юристами-правоведами; их предназначение – обеспечение правопорядка в основном посредством частной и общей превенции. Иными словами, посредством неотвратимого выявления нарушителей общеобязательных норм и восстановления попорченной справедливости, т.е. сначала правонарушение, как таковое, должно все же произойти, а затем уполномоченные структуры государства должны восстановить законность и справедливость посредством уполномоченного, компетентного вмешательства.

Только одно это обстоятельство уже приводит нас к выводу об оправданности существования государственного правосудия именно как юридической науки.

В то же время для более обстоятельной аргументации нашего предположения стоит обратиться к распространенным определениям понятия “правопорядок”.

Вспомним, что *правопорядок – составная часть общественного порядка, формирующаяся в результате регулятивного воздействия разных социальных норм. Результат действия правовых норм представляет собою определенное состояние упорядоченности общественных отношений*⁸.

Приведенное нами определение предполагает, что правопорядок как особого рода явление развивается во времени от возникновения одинаково значимых для всех пребывающих в пространстве государства отношений, ориентиром которых являются закрепляющие эту значимость нормы, до результата, который требует вмешательства органов юстиции, равно как и органов охраны правопорядка, но лишь в том случае, если таковой приобретает вид правонарушения или преступления.

С одной стороны, такая форма поддержания правопорядка является рациональной и, кажется, единственно возможной. Кажется, но до тех пор, пока мы не увидим, что любой результат социально значимого поведения человека в про-

⁸ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Указ. соч. С. 678.

странстве государства существует изначально как собственная вероятность. Реализация указанной вероятности желаемая обществом, если к тому же результат соответствует нормативно предлагаемым моделям поведения, но не приемлема для общества в противоположном значении. И пока вероятность не обратится в результат, она юридически невидима для структур, гарантирующих правопорядок. Принято считать, что только так можно гарантировать невмешательство в права и законные интересы человека. Но, согласимся, так можно и опоздать с государственным гарантированием правопорядка, причем иной раз необратимо. Именно поэтому должно и нужно говорить о государственных гарантиях правопорядка, понимаемых как профессиональное и компетентное снижение самой вероятности правонарушения в любых областях его возможного существования.

Приходим к выводу, что даже по признакам отсутствия необходимости ожидания наступления правонарушения как условия гарантирования правопорядка это уже не только область деятельности лишь юристов-правоведов. К тому же управление вероятностью правонарушения неизбежно потребует глубоких специальных познаний. Вместе с тем нельзя не признать, что такие познания являются все же юридическими по своей природе, так как они отражают взаимодействие государства и права, обеспечивающее оптимизацию правопорядка. Следовательно, для их осуществления необходим все-таки юрист; однако сфера его профессиональной деятельности – не только восстановление нарушенных прав, не только сопоставление реального события с официальными нормативными ориентирами; полагаем, что сфера его деятельности прежде всего – *минимизация самой вероятности правонарушения*; профессионально осуществляемая деятельность такого рода непосредственно связана с глубокими знаниями о праве.

Вывод очевиден – такая деятельность является юридической по своей сути, но она (эта деятельность) предполагает также особое, не менее глубокие знания о государственной машине и ее возможностях, гарантирующих правопорядок.

Как представляется, именно поэтому следует говорить о профессиональном и компетентном юридическом, вне всякого сомнения, влиянии на правопорядок, особенно в тот период, когда правонарушение является лишь вероятностью; о таком влиянии, которое в полной мере смогут оказать на состояние правопорядка лишь юристы особой специализации, вооруженные специальными познаниями.

Считаем важным особо подчеркнуть – только юристы и потому, что знания о природе развития социально значимого поведения, основным ориентиром для которой является норма права, в сущности, являются именно юридическими.

Уверены, что только в результате их деятельности может быть осуществлена полноценная, своевременная коррекция поведения, имеющего значение для всего общества.

Только юристам, обладающим полноценными профессиональными знаниями о государстве, представляющем собою прежде всего юридическое явление, по-настоящему *будут посильны не только гарантии законности, понимаемые как обусловленная закономерностями общественного развития система условий и средств, обеспечивающая законность и тем самым формирующая состояние социальных отношений*⁹, но и обеспечение законного интереса, понимаемого в первую очередь как обращение ожиданий каждого из нас от пребывания в юридическом пространстве государства в реальную пользу.

Государственное гарантирование власти как возможность обращения доверия избирателей в обязательный закон представляет оптимизацию взаимоотношений граждан, пребывающих в юридическом пространстве государства.

Средствами правоведения познается и практически обеспечивается (гарантируется посредством профессионально и уполномочено осуществляемой юридической деятельности) лишь мера ответственности каждого, находящегося в юридическом пространстве государства.

К тому же следует со всей очевидностью признать, что в государственном гарантировании нуждаются и наши ожидания от пребывания в юридическом пространстве государства.

Представляется неотложным эту новую область юридической теории и практики всесторонне научно осмыслить и практически в последующем освоить.

Считаем, что по своей сути ***государство – юридическая конструкция***, создаваемая для объединения усилий людей, пребывающих в одном ограниченном пространстве, и необходимая для увеличения объема пользы каждому от ресурсов данного пространства.

На наш взгляд, такая польза получается взамен на уступки каждого в пользу поддержания способности конструкции предоставлять таковую соразмерно ожиданиям и уступкам граждан.

⁹ См.: там же. С. 176.

У нас есть определенные основания полагать, что государство помимо прочего появилось как устройство, предназначенное закрепить оптимум организации человеческих сообществ путем ресурсной поддержки его позитивов и силового блокирования его негативов.

Устройство государства соответствует своему предназначению до тех пор, пока оно способно, во-первых, чутко улавливать генезис и эволюцию негативов и позитивов, во-вторых, адекватно и (что немаловажно) опережающе реагировать на вызовы.

Юридическая природа конструкции государства объективна. **Конструкция государства – система.** Она обеспечивает системное качество, которое заключается в превышении пользы, получаемой от него, против пользы, отдаваемой ему. Процессом возникновения и изменения государства управляют человеческие потребности (предпосылки законных интересов); в проявлении потребностей заключается участие большинства людей в управлении государством; потребность способна предшествовать своему официальному оформлению.

Не сомневаемся и особо подчеркиваем, что государство, по нашему глубокому убеждению, как способ взаимно полезных отношений людей предшествует праву, а право имеет своим пред назначением только **формальное упорядочение этих отношений.**

Государство понимается нами как способ организации взаимоотношений людей посредством поддержки отношений полезных для каждого человека и всего государственного сообщества и противодействия развитию их противоположности, а **право** – система ориентиров в этих отношениях.

Такое осознание приводит нас к выводу о том, что юридическая конструкция государства обусловлена объективной необходимостью поддержания соразмерности ожидаемой и получаемой пользы уступкам и достижениям созидательности взаимосвязанных притязаний на ее получение, при этом государство обеспечивает баланс личных и общих интересов.

Данное обстоятельство вполне допускает наше предположение о наличии среди причин возникновения государства *двух парадоксов*:

первый – заключается в том, что государство возникло не от бедности людей, а от появления возможности создавать и наращивать запасы обеспечивающих их жизнь ресурсов;

второй – состоит в том, что частная собственность – вовсе не причина возникновения государства, а его следствие; все дело в том, что она в принципе скорее может появиться лишь на основе объединения продукта труда многих людей.

В связи с этим частную собственность и имущественное расслоение допустимо рассматривать не только как причину возникновения государства, но и как следствие слабости проявлений государства на ранних этапах его формирования.

Если допустить, что Аристотель был прав, полагая, что “государство есть известный союз людей, а всякий союз заключается для известного блага. Высший из всех союзов будет тот, который заключается для высшего блага, обнимающий все остальные”¹⁰, и что основным предназначением государственной машины является поддержание гармонии между гарантирующим реализацию наших ожиданий потенциалом общества, являющегося благом для всех нас вместе и благополучием каждого из нас, то становятся заметными диспропорции между вкладом каждого в укрепление и обслуживание гарантирующего потенциала и получаемой от этого личной выгодой; причем уже в ранние периоды становления государства.

Вполне возможно, что уже давно (еще до появления государства) люди ощущали, что для возрастания личного благополучия нужно сформировать, а затем обеспечивать общий потенциал – общее благо. Но отдать в силу конструктивного коллективизма большинства из нас мы издавна готовы чуть больше, чем это необходимо, а получить всегда готовы чуть меньше, чем это было бы возможно.

Причина кроется вовсе не в альтруизме. Во-первых, сама эволюция человека и человеческого сообщества доказала преимущества пребывания в коллективе. Во-вторых, она сформировала в людях склонность оставлять кое-что “про запас”.

Этим, весьма вероятно, часто пользовались лидеры формирующихся людских сообществ; те, которые смогли обратить эту замешанную на доверчивости и иллюзиях, но сознательно допускаемую обществом диспропорцию в свою личную пользу. Кстати, ни одно государство и сейчас не располагает методиками и профессионалами, с помощью которых можно такую диспропорцию адекватно оценить.

¹⁰ Цит.: Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 1.

Полагаем, что разрешить данную проблему можно лишь, располагая возможностями *государствоведения*.

Вероятно, именно потому и появились предпосылки отрицания государства, превратившиеся в нынешние призывы защищаться от него; возникла иллюзия присвоения ресурсов, оставляемых человеческими сообществами про запас *для своего развития неким абстрактным злодеем – государством*.

По сути, на наш взгляд, это подсознательно мотивированная попытка среагировать на опасность подмены государства как устройства, гарантирующего потенциал, обеспечивающий благо всех нас вместе и благополучие каждого из нас, на машину подавления угнетенных классов; и еще, благо – не только материальные ресурсы, но и культура взаимодействия с ним, в первую очередь культура обеспечения относительно общего блага, беспрепятственности проявления частной воли и извлечения частной пользы.

Поэтому, как представляется, не лишено смысла и отождествление обобщенных государственных ресурсов с понятием *“благо”*, а нашей личной пользы от него – с понятием *“благополучие”*, получаемое от блага. По своей природе государство – некий аналог термоядерного реактора.

Гармоничное – соразмерное государство, такая организация взаимодействия каждого из нас и всех нас вместе, при которой жертва каждого на увеличение блага общего оборачивается увеличением блага каждого; мера в государстве должна касаться не ограничения потребления или ограничения потребителей, а соотношения отданного и приобретенного.

Не только бедность, равно как и стремление к личному богатству, может стать основой объединения людей. Основой объединения людей в государство вполне может служить совпадение представлений, *во-первых*, о жизненно важном пространстве, *во-вторых*, жизненно важных ресурсах, *в-третьих*, жизненно важных интересах. Следствием такого совпадения является стремление сохранить указанные ценности и приумножить пользу, которая может быть получена от данных ресурсов на данном пространстве.

Думается, в связи с этим стоит вернуться к соотношению понятий *“польза”* и *“интерес”*; представляется, что *интерес* вполне корректно может быть истолкован как *ожидаемая польза*.

Едва ли в основе распределения произведенного продукта как в догосударственных человеческих сообществах, так и в государстве изначально

лежал принцип равенства. Сытнее всегда кормили кормильца – таков один из основных принципов социализации людей. Возможно, здесь действует еще и биологическая сторона данного принципа – забота о сохранении вида и продлении рода. Отсюда проистекает забота о жизнеспособном, ценном биологически, а затем и социально потомстве и тех, кто способен его дать.

Считаем, что именно эта объективно обусловленная традиция отразилась в социальных установках: *“по заслугам и честь”*, *“не в коня корм”*, *“по Сеньке шапка”*.

Давайте согласимся, что скорее всего равенства в потреблении произведенного продукта не будет никогда, да, пожалуй, и не должно быть. Тот, кто больше произведет, больше и получит, а вот справедливого соотношения между участием в самом производстве, его организации и организации распределения произведенного продукта искать *справедливости – соразмерности* можно и нужно. И здесь нельзя все сводить к упрощенному пониманию, т.е. кто какую еду ест, и кто какую одежду носит; здесь речь должна идти об объеме более разнообразных ресурсов, необходимых каждому для реализации его возможностей, являющихся источником блага.

Чем сложнее производство блага, тем больше оно требует затрат, причем затрат, необходимо лежащих на всех. Кроме того, по мере усложнения процесса требуются дополнительные затраты на собственно его существование.

Как следствие, появляется необходимость в обслуживании самой организации производства блага. Отсюда и возникает неизбежность пользы в виде сложно опосредованной выгоды или социально значимого блага, т.е. *пользы, которую всегда надо отдавать всем нам, во имя получения пользы для всех как условия пользы для каждого из нас*.

Полагаем, что в этом скрыта первопричина одного явного заблуждения – будто нельзя точно определить, какая часть произведенного блага необходима на обеспечение возможности его дальнейшего получения во все более возрастающем объеме, а какая может быть передана для непосредственного потребления. *Возможно предположить, что именно здесь скрыта причина коррупции, “финансовых пузырей” и других злокачественных форм социального паразитизма; суть в том, что под видом затрат на увеличение производства социально значимых благ средства отвлекаются на чье-то личное употребление*.

Поиск способов выявления и поддержки соразмерности затрат на увеличение блага, вне всякого сомнения, – предмет специальных юридических познаний, лежащий вне пределов правоведения. Иными словами, – юридических познаний в виде государственоведения.

Постепенно в процессе эволюции людских обществ представления о значимых для всех вместе пространстве и ресурсах распространились на область наших взаимосвязанных притязаний.

Сегодня весьма важно осознать, что такие притязания должны гарантироваться не только ответственностью за нарушение существующих норм их реализации, но и созданием условий для их справедливой реализации; справедливой, т.е. соответствующей вкладу в развитие общего блага и усилиям, затраченным на его получение каждым лично, как и выгоды, обеспечиваемой с помощью государства каждому и на законных основаниях.

Субъект и объект власти должны совпадать всегда. Сейчас такое совпадение носит не личный, а социальный (польза для всех нас) и профессиональный (ответственные и квалифицированные полномочия) характер. Следует заключить, что власть сегодня не непосредственно общественная, а опосредованно общественная.

На наш взгляд, вполне корректным в связи с этим представляется утверждение, что государство – скорее не организация публичной власти, а организация гарантирования ответственности каждого перед всеми и обеспечения реализации притязаний каждого среди всех посредством соответствующей такому предназначению публичной власти, не “способная создавать нормы права”, а реализуемая посредством создания норм права.

Думается, в данную конструкцию хорошо вписываются элементы государственного гарантирования власти.

Соразмерность отдаваемого и обретаемого каждым, пребывающим в государстве, заключена не в том, что каждый отдающий получает тоже самое, что он отдал, только в большем объеме; суть в том, что отданное и обретенное объективно пребывают в качественно различных плоскостях; обретаемое превышает отданное не количественно, а качественно; труд и время человека объективно все время дорожают, а материальные блага, создаваемые объединенными усилиями людей, – дешевеют.

Только особая область юридических знаний – государственоведение способна убедительно обосновать, что надо не жертвовать государству,

а вкладывать в него; уполномоченным от имени государства чиновникам прежде всего поручено от имени государства не раздавать подаяния, а вкладывать в развитие возможностей человека. Разумеется, если вкладывать в общее дело реальные человеческие возможности, тогда каждому человеку будет возвращена тоже реальная польза.

Считаем, что в качестве реального блага, вкладываемого каждым человеком в благо общее, следует понимать талант, мастерство, доверие, а в качестве блага, возвращаемого чиновниками от имени государства каждому участвующему в нем человеку, – поддержка, справедливость и уважение.

Не приходится сомневаться, что только при достижении такого соотношения все полезное, отданное каждым из нас, станет пользой для каждого из нас и для всех нас вместе. Взаимодействующие возможности человека и государства – это не только физические усилия и материальные блага; следует, руководствуясь специальными юридическими познаниями явления государства, не противопоставлять возможности человека и его гарантируемые государством ожидания, а гармонизировать их.

Полагаем, сутью власти, реализуемой на основе специальных юридических познаний явления государства, предстает гарантирование доведения до всех и каждого адекватных представлений о том, какие ожидания человека и при каких условиях действительно обратимы в реальную пользу с помощью государства, и какие пределы при этом нельзя переступить.

Возможные варианты реализации наших ожиданий должны проявляться как следствия соотношения интереса конкретного человека и обеспечиваемых с помощью государства условий его реализации.

Идеальное государство не то, в котором все живут по предложенному закону во имя закона, а то, в котором отдаваемое каждым для общего блага возвращается тем, чего не было и не могло быть получено каждым в одиночку, т.е. с процентами, обеспеченными новым качеством общих возможностей.

Власть предназначена не для “втискивания” в правовые рамки, а для пользы от индивидуализации обобщенных ожиданий и обобщения индивидуальных возможностей.

Убеждены, только специальные юридические познания способны привести к пониманию того, что власть в государстве должна существовать

и ощущаться гражданином не как проявляющаяся извне доминанта, а как сообразная его возможностям и ожиданиям поддержка:

во-первых, тогда участие власти в жизни гражданина будет осознаваться последним и обеспечиваться уполномоченным профессионалом не как внешний пресс, а как внутренняя пружина;

во-вторых, тогда откроется истинное предназначение государственного гарантирования власти, которое заключено не в том, чтобы сдерживать взаимообмен между благом и благополучием, а в его поддержке и активизации;

в-третьих, тогда человек, ощущая такое влияние, осознает себя частью созидającego целого, а не разрушительно подавляемой частицей.

Уверены, *только с позиций специальных юридических познаний о государстве* станет объяснимо, что процесс повышения успешности человеческого поведения сопряжен с объективной необходимостью двух оптимизаций:

во-первых, между пространственными условиями и организованностью человеческого объединения;

во-вторых, между потребностью человека и организованностью общества для извлечения пользы из условий пространства.

По нашему мнению, процесс соотнесения успешности моделей поведения с условиями пространства, в которых пребывает человек, всегда имеет тенденцию к максимальному извлечению им пользы от этого, иными словами, к достижению эффективности. Люди, следуя в данном направлении, как уже отмечалось, вынуждены были объединяться: *вначале* по причине объективного совпадения соответствующих пространственным условиям моделей поведения; *затем* уже потому, что объединяемые усилия приводили к пользе, получить которую в одиночку было бы невозможным.

Думается, имеет смысл в связи с этим особо подчеркнуть, что абсолютизация интереса публичного с весьма большой вероятностью приводит к беспределу кучки особо хитрых чиновников, а абсолютизация интереса частного – к беспределу кучки особо жадных толстосумов.

Публичный интерес оправдан до тех пор, пока он повышает возможности удовлетворения интереса частного; в свою очередь, частный интерес оправдан до тех пор, пока он предполагает возможность взаимовыгодного сосуществования с публичным интересом.

Полагаем, будущее за поддержанием объективного баланса между частным и публичным интересами, представляя их частью единого, объективно существующего целого; при этом возможность достижения баланса частного и публичного интересов заключена в качественном различии между тем, что индивид отдает обществу, и тем, что общество возвращает индивиду.

Обеспечить реализацию указанной задачи возможно лишь, обладая особыми юридическими познаниями явления государства.

Условия пространства, созданные природой, подобно рельсам, объективно предопределяют заданные направления движения в нем *“трамвая разнообразия”* взаимно обусловленной потребительской активности каждого человека, объединенного в государственное устройство.

Объединенное в государство человеческое общество получает минимум препятствий в своем развитии, прежде всего потому, что поведение человека соответствует объективным возможностям условий, в которых оно осуществляется; подобное стало следствием отбора, при котором модели поведения человека, не соответствующие пространственным условиям, оказываются не успешными и отвергаются людьми.

Вне сомнения, *пространственные условия и человеческое поведение обладают разной скоростью*. Человек успевает испытать массу моделей своего поведения на успешность до тех пор, пока условия окружающего его пространства остаются в своей основе стабильными.

В свою очередь, процесс соотнесения успешности моделей человеческого поведения с условиями пространства, в которых пребывает человек, имеет тенденцию к максимальному извлечению человеком пользы от пребывания в данных условиях.

Указанное явление имеет два следствия. *С одной стороны*, действия в данном направлении, люди вынуждены объединяться. Причем объединяться вначале по причине объективного совпадения соответствующих пространственным условиям моделей поведения, а затем потому, что объединяемые усилия приводили к такой пользе, получить которую в одиночку было невозможным. *С другой* – дополнительная польза, извлекаемая людьми из условий окружающего пространства, рождает дополнительные потребности, увеличивая одновременно и зависимость людей друг от друга, и объем потребностей каждого человека.

Процесс повышения успешности человеческого поведения, таким образом, оказывается связан-

ным с объективной необходимостью *двух оптимизаций*; *во-первых*, между пространственными условиями и организованностью человеческого объединения и, *во-вторых*, между потребностью человека и организованностью общества для извлечения пользы из условий пространства.

Пожалуй, следует признать, что в современных условиях человечество не удовлетворено количеством существующих пространственных условий, предоставленных природой, и прокладывает свои пути к достижению благополучия; при этом связь между испытанием моделей человеческого поведения и окружающими условиями пространства остается объективной.

Вполне допустим вывод о том, что на самом деле польза от объединения людей в государство настолько превысила ожидания, что с позиций обыденного, житейского опыта делить ее на всех кому-то стало жалко.

Одновременно мы наблюдаем ускоренное формирование возможности отделения пользы от ее ожидания, которую именно в связи с отсутствием юридических знаний о государстве оказалось достаточно легко закрепить посредством закона.

Подобная действующая и ныне процедура упорядочения ожиданий пользы от данных ресурсов на данном пространстве превратилась в бесконечное ожидание для одних и безграничную пользу для других.

Именно таким способом от организации совпадающих представлений очень малая группа людей нашла способ получения сверхвозможности удовлетворения собственных реальных потребностей посредством создания для остального человечества иллюзии продуктивности бесконечного ожидания потребительского благополучия.

Выяснить, так ли это на самом деле и существует ли выход из подобного положения, можно лишь, уверены, обладая знаниями в области государственоведения.

Возможно, по этой же причине при доминировании идеи достижения благополучия частного через благополучие коллективное такая иллюзия получила возможность поддержки посредством профессионально формируемых обещаний, что всеобщее благополучие наступит вот-вот. Иллюзия здесь проявила свою несостоятельность в том, что взносы в *“общий котел”* перманентно не подтверждались ощущениями личной пользы от самоотречения.

Как ни парадоксально, именно отсутствие специальных юридических познаний явления го-

сударства сегодня позволяет многим надеяться, что доминирование идеи достижения благополучия каждым лично в условиях гарантированной личной свободы продуктивно!? Иллюзия же достижимости личного благополучия каждым индивидуально до поры успешно воплощается при помощи профессионально формируемых уверений в реальности *“счастливого случая”*; при отсутствии адекватных юридических познаний явления государства свою несостоятельность эта иллюзия проявит запоздало и в том, что количество ожиданий *“счастливого случая”* будет осознано человеческим сообществом, поверившим в реальность наступления этого результата, как катастрофическое несовпадение с количеством его наступлений.

В своей работе М.Н. Марченко приводит уместную цитату из трудов Ж. Бодена о том, что государство осуществляет *“правовое управление семьями и тем, что у них есть общего с верховной властью, которая должна руководствоваться вечными началами добра и справедливости. Эти начала должны давать общее благо, которое и должно составлять цель государственного устройства”*¹¹. Там же приведена цитата из трудов Н. Макиавелли – *“общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов”*.

Представляется, что *эти ценнейшие и по сей день теоретические формулы могут быть вполне реализованы лишь при условии подлинно научных познаний явления государства.*

Познание юридической сущности явления государства дает осознание, что государственный строй с помощью юстиции может гарантировать не только меру ответственности посредством соотнесения социально значимого поведения человека с нормами, закрепленными от имени человеческого сообщества официально; такое познание позволяет понять, что взаимосвязанные в притязании людей, объединенных в государство, они обеспечиваются по-иному; стандарты здесь не могут фиксироваться в определенных формулировках, подобных правовым нормам, а проявляться только в виде реально и постоянно существующих подвижных соотношений, которые могут отслеживаться только на основе обобщаемой практики.

Объединенные ресурсы государства соотносятся с индивидуальными возможностями человека, нуждающегося в поддержке со сто-

¹¹ Марченко М.Н. Теория государства и права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 52.

роны государства, как взаимобмен; подобный обмен может быть как **одновременным** (создание государством условий для действующего работника), **опережающим или последующим** (дети, молодые специалисты или обучаемые специальности, пенсионеры и ветераны), так и **просто компенсирующим** (инвалиды детства).

Государственное гарантирование взаимосвязанных притязаний предполагает *соотнесение – реализацию соразмерности ресурсов*, создаваемых и контролируемых властью при помощи структур ее гарантирования и социально значимых ожиданий человека.

Спор о праве, по сути, – спор о законности проявления частной воли. Такой спор, разрешаемый средствами правоведения, ведет к юридически обоснованному признанию факта наличия или отсутствия законных оснований на проявление частной воли.

Правоведческий арсенал представлен здесь законами (правовыми нормами) и профессионалами, способными соотнести реальное поведение человека в конкретной ситуации с предписаниями закона и решить, соответствуют ли они друг другу.

Профессионалы уполномочены привлекать к ответственности лиц, поведение которых не соответствует нормативному предписанию и, тем самым, представляет собою нарушение прав других лиц на законное проявление их частной воли. При этом по возможности восстанавливается ущемленное нарушением право.

Однако проявление частной воли ничто, если оно ограничено стадией целеполагания, стадией, на которой человек лишь выразил свое желание что-то заполучить, и если не следует волеизъявления – обращения права человека изъявлять свое желание в реальную для него пользу.

Попытка обеспечить извлечение частной пользы исключительно средствами правоведения порождает вал новых законов и, как следствие этого явления, бесконечные судебные тяжбы с решением в пользу более сильного, более обеспеченного.

Считаем, что единственным и пока не реализованным резервом на данном направлении гарантирования частной воли является установление своего рода полей взаимного непроникновения частной воли, т.е. таких юридически обозначенных и обеспеченных пространств, в которые не может проникать никакая и ни под каким предлогом частная воля.

Представляется, что любое намерение, распространяемое на такое пространство, становится юридически ничтожным по определению; ничтожным в этом случае означает не могущим быть предметом никакого юридического спора, юридической поддержки и объектом любого гарантирования; кроме того, любой ущерб, причиненный в результате проникновения в такое пространство, возмещается только за счет нарушителя такого пространства, а основанием является сам факт нарушения такого пространства, установленный уполномоченными на то гарантами государственной власти.

Полагаем, что *признание объективной реальности существования полей взаимного непроникновения открывает нам понимание неизбежности развития юридического государствоведения, средствами которого могут быть выявлены и в случае необходимости сознательно скорректированы условия, затрудняющие нарушение границ поля взаимного непроникновения частной воли; юридические средства здесь требуются совсем другие – это уже не спор о праве, но констатация факта отсутствия законного основания для обращения субъективного желания в частную выгоду.*

Правопорядок, понимаемый в рамках государствоведения как беспрепятственность проявления частной воли и извлечения частной пользы, опосредуется созданием условий, препятствующих проникновению частной воли в пространство, где возможен конфликт с ее аналогом.

Кроме того, проявление частной воли объективно ограничено возможностью создания реальных условий его поддержки – *“нельзя провозглашать то, чего нельзя реализовать”*.

Закон – это мера реальной поддержки гражданина в осуществлении его намерений, обеспечивающая их непротиворечие возможностям государства и аналогичным намерениям другого гражданина. Всё остальное нами воспринимается как юридическая абракадабра. Потому, на наш взгляд, декларация прав человека – это именно декларация, а не закон.

Наука о данной стороне человеческих отношений, складывающихся на определенной территории, по поводу определенных ресурсов и выражающихся в мере проявления взаимосвязанных человеческих интересов, и есть государствоведение. Возникновение государствоведения именно как юридической науки и соответствующей ей профессионально обеспечиваемой области практики – существенное пополнение арсенала юриспруденции, ориентированного на обеспечение правопорядка.

Государство – не организация, а особое юридическое устройство. Юридическое прежде всего потому, что юриспруденция, как уже отмечалось, – теория и практика соотношения с мерой.

В отличие от организации, которую объединяет цель, государство объединяет возможность гарантирования законного права (созданием условий для беспрепятственности проявления частной воли) и гарантирование законного интереса (созданием условий для беспрепятственности получения частной пользы).

Беспрепятственность в предлагаемом контексте трактуется нами как такое юридическое состояние, при котором проявления гражданином его частной воли (*право*) и извлечение им частной пользы (*интерес*) не встречают препятствий со стороны их аналогов, проявляемых другим гражданином, но и сами не учиняют таковых.

Право и интерес гражданина, проявляемые беспрепятственно, и есть, соответственно, законное право и законный интерес.

Гарантирование законного права обеспечивается гарантированием меры ответственности каждого из нас перед всеми нами вместе и каждого из нас перед каждым из нас.

Гарантирование законного интереса обеспечивается гарантированием меры реализации взаимных притязаний – взаимосвязанных ожиданий пользы гражданином от его пребывания в составе государства, обеспечиваемой средствами государства.

Убеждены, что вышеизложенное, вне сомнения, – еще один убедительный аргумент в пользу неизбежности *государствоведения – теории, практики и юридической специальности. Если правоведение обеспечивает возможность профессионального соотношения деяния с мерой ответственности, то государствоведение обеспечивает возможность профессионального соотношения ожидания с мерой его реализации.*

На наш взгляд, сутью деятельности юриста-государствоведа предстают юридическая квалификация характера ожидания гражданина и юридическая оценка возможности реализации ожидания, мера его государственной обеспеченности. Реализация ожидания может быть обеспечена не иначе, как созданием соответствующих условий, но, кроме того, реализация ожиданий обеспечивается, как уже отмечалось, также и существованием полей взаимного непроникновения частной воли и невозможности извлечения частной пользы – областей в юридическом про-

странстве государства, в которых любое проявление частной воли и частной пользы безусловно утрачивают качества законного права и законного интереса.

При этом гарантирование взаимных притязаний (государственной поддержки обращения ожиданий в реальную пользу) принципиально отлично от гарантирования ответственности. Во-первых, его пусковой механизм – не вред, а польза. Если ответственность выстраивается от характера причиненного вреда, то гарантирование притязания выстраивается от возможности обращения ожидания гражданина в реальную для него пользу.

Считаем, в связи с этим следует ответственно подумать о принципах предоставления выгоды чиновнику, обеспечивающему гарантирование государственной власти, в зависимости от каждого реализованного законного интереса, подтвержденного своей публичной пользой.

Во-вторых, взаимные притязания обуславливаются не связью деяния и последствия, а связью характера ожидания пользы с характером и объемом ресурсов, обеспечивающих возможность ее реализации.

Представляется, что критерием истинности такого соответствия может стать обобщенный прошлый опыт.

В-третьих, характер ожидания пользы и возможность ее реализации определяются не правовой нормой, а реально складывающимся соответствием характеристик ожидания пользы и характеристик ресурсов, которые могут быть направлены на реализацию этого ожидания.

Кстати, это такое соответствие, которое можно выявить, сопоставляя независимые базы данных.

В-четвертых, если ответственность – это ограничение, гарантируемое мерой утрат, то реализуемое ожидание – поддержка, гарантируемая мерой получаемой пользы.

На наш взгляд, только в рамках государствоведения заметны следующие парадоксы:

первое, государство стало мешать праву. По-сему раздаются призывы некоторых политиков и ученых о том, что государство должно уходить, чтобы не мешать человеку в осуществлении его прав (?!);

второе, государство стало мешать самому себе. Мы видим, что попыткой устранить эту помеху являются ныне развиваемые наряду с федеральными субъектные, а фактически и муниципальные, составляющие государственной власти.

Предполагаем, что негативным следствием такой попытки вполне может стать фактическое ограничение реальных возможностей поддержки законных устремлений гражданина.

Не сомневаемся в том, что законно лишь то стремление человека, для поддержки которого у государства есть ресурсы, а также то стремление человека, которому нет препятствий в виде аналогичного стремления другого человека и которое не ограничено пределами возможности наступления ответственности.

Государство может поддерживать человеческие стремления только до тех пор, пока они не начинают мешать другим человеческим стремлениям, или когда государство объявляет гражданину о своей невозможности поддерживать его стремление. У далеких от государственного политиков и высоких чиновников на этой почве возникает заблуждение, проявляемое в том, что государство-де имеет собственное стремление, а потому не пускает нас чего-то хотеть, потому что хочет этого само, а всего этого и на нас, и на государство не хватит.

Для нас неоспоримым является вывод, что такой путь ведет к уничтожению государства как устройства, обеспечивающего баланс общих и частных человеческих стремлений, и, как следствие, такой путь – путь к войне стремлений.

Наш вывод таков: *под сенью идей правового государства, т.е. государства, где все живут по праву, мы порою пытаемся поместить житие в рамках созидательного дозволения – житием для тех, кто сам способен настоять на собственном приоритете.*

Думается, в связи с этим уместна цитата из трудов Гегеля, приведенная в работе “Общая теория государства и права” (под ред. проф. В.В. Лазарева) А.В. Корневым: *гражданское общество – “опосредованная трудом система интересов, имеющих своим основанием частную собственность и формальное равенство граждан”. И далее: “наличие в обществе различных корпораций, групп, страт и тому подобное, объединенных общими интересами, главными из которых является стремление превратить государство в институт, координирующий и управляющий общественным развитием, а не подменяющий его, является одним из главных заслонов на пути тоталитарной государственности.*

Соответственно, там, где нет развитого гражданского общества, где оно только формируется или приходит в себя после полосы го-

сударственного терроризма, всегда актуальной остается проблема возврата к прошлому”¹².

Считаем, что с научной и по юридически государствоведческой точки зрения *корректно выделять только отношения государства и гражданина, где гражданин – это интерес конкретной личности, а государство – это, во-первых, объединенный интерес всех личностей, направленный на увеличение возможностей формирования и реализации интереса конкретной личности, во-вторых, интересы прочих конкретных личностей, существующие одновременно и соразмерно с интересами данной конкретной личности.*

В представленной нами конструкции всякий дополнительный элемент – лишний; изменение соотношения свободы в пользу общества и гражданина – нонсенс, прежде всего именно потому, что предназначение государства – реализация законных интересов гражданина.

Посему всякое законное ограничение государства – ограничение законного интереса гражданина. Этот парадокс хорошо заметен лишь с позиций юридического государствоведения.

Государство – юридическое устройство, инструмент, обеспечивающий меру взаимных притязаний и меру ответственности.

Если право – мера ответственности, то интерес – мера взаимосвязанных притязаний (претензий).

Представляется, что мера взаимных притязаний обеспечивается посредством гарантирования: *во-первых, обусловленности интереса (беспрепятственности частной пользы); во-вторых, обусловленности права (беспрепятственности частной воли).*

В связи с этим уверены, что имеет смысл строго (даже категорически) *разделять не только право и интерес, но и ответственность и спонсирование (поддержку).*

Полагаем важным помимо всего прочего подчеркнуть, что *государство – инструмент, обеспечивающий гарантирование власти.*

По нашему глубокому убеждению, *государственное гарантирование власти включает в себя два основополагающих элемента:*

первый, гарантирование меры ответственности – правоведение;

второй, гарантирование меры взаимных притязаний – государствоведение.

¹² Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. С. 450, 451.

С авторских позиций представления о государстве именно как о юридическом устройстве нам понятно, что власть прежде всего – наше отчужденное доверие. При этом государственную власть вполне можно рассматривать и как соотношение выбора и обязывания; причем обязывания не к определенному выбору, а к тому, чтобы, *во-первых*, не утаивался ни один вариант выбора (для уполномоченных на реализацию власти) и, *во-вторых*, не нарушались свобода проявления частной воли и свобода извлечения частной пользы (для выбирающих).

Не сомневаемся, что только государство способно сформулировать юридические ориентиры, в пределах которых оправдывает свое существование мера соответствия вариантов выбора человека реальным ресурсным возможностям, находящимся в распоряжении общества.

Вышеизложенное убеждает нас в том, что власть должна проявлять себя не по причине наличия силы и полномочий, а по поводу гарантирования выбора и обязывания; указанные нами пределы в гораздо большей степени необходимы не народу, а политикам и чиновникам, подобно тому как специальные знания, навыки и умения, например, нужны больше дорожно-патрульной службе и водителю, нежели пешеходу; требуется власть не столько для того, чтобы ее боялись, сколько для того, чтобы она была адекватна своей функции, а ее функция – не устрашать, а гарантировать и спонсировать – оправдывать доверие.

Во-первых, доверие на обеспечение беспрепятственности нашей пользы, обеспечиваемое посредством создания способствующих этому условий.

Во-вторых, доверие на беспрепятственность проявления нашей воли, обеспечиваемое посредством гарантирования ответственности.

Таким образом, на наш взгляд, *власть* – это сначала то, что гарантируется в виде поддержки (спонсирования), и только потом то,

что гарантируется в виде запрета, пресечения и кары.

Первое, обусловленность права – соответствие закону (посредством гарантирования ответственности); закон – предел проявления частной воли.

Второе, обусловленность интереса – соответствие ресурсам (посредством гарантирования предоставления имеющихся ресурсов); государственная поддержка частной пользы есть предел проявления законного интереса.

Закон не предоставляет право, а ограничивает его посредством государственного гарантирования ответственности.

Законное право – мера ответственности каждого перед каждым за проживание в одном пространстве, ограничиваемом пределами его действия; оно гарантируется принудительными возможностями государства.

Размышления на весьма актуальную тему с позиции философии права подвигли нас к важным выводам.

Первый, мера и (профессиональное и полномочное) соотношение с нею – вот что является сутью общей юридической природы государства и права, причем юстиция – соотношение с мерой, а юриспруденция – наука и профессия соотношения с мерой.

Второй, как следствие первого, *правоведы* – профессионалы гарантирования ответственности.

Третий, как следствие первого, *государствоведы* – профессионалы создания условий реализации взаимосвязанных притязаний.

Полагаем, заинтересованный читатель согласится с нами, что чем скорее государствоведение будет обращено в теорию, область практики и юридическую специальность, тем скорее наше государство получит пополнение ресурсов, обеспечивающих благо всем нам вместе и благополучие каждому из нас. Надеемся, что мы не одиноки в своих размышлениях.